

Виктор ФОМЕНКОВ

Е Ж И

Было это в сентябре.

В тот год я проспал пол-лета на сеновале, на чердаке дома. Ночи были ещё тёплые. И вот под утро я вдруг ощутил холод. Меня знобило, и я проснулся раньше обычного. Поворочался с боку на бок и решил всё-таки встать. Покинул лежанку, оделся, распахнул чердачную дверцу и увидел сад в густом тумане. Спустился с чердака на землю. Позёвывая, сладко потянулся, почувствовал лёгкость в отдохнувшем теле. По тропинке, мокрой от густого тумана, отправился в сад. Туда, куда ходил почти каждое утро. Но я не увидел конца сада, как это было в ясную погоду. Сделав несколько шагов, подошёл к яблоньке. С мокрой ветки сорвал яблоко. Вытер о штанину, надкусил и бросил плод.

Сад стоял без шорохов. И вдруг где-то в метре-двух от меня раздалось негромкое пофыркивание и возня. Меня взяло любопытство. Тихо подкрался к тому месту. За кустом смородины заметил пару ёжиков. Присел на корточках, притаился, наблюдая за парочкой. Меня поразило, что она не поделила яблоко. Зачем драться за одно? Яблок-падалиц полным-полно в саду! Ёж покрупнее и, видимо, поздоровее оттолкнул соперника от яблока раздора. (Оно лежало чуть в стороне и не на траве, а на земле.) Я недоумевал: чем этот плод так привлекает ежей и почему именно это яблоко стало причиной ссоры? Переступая, нечаянно наступил на сухую веточку. Раздался хруст. Ежи увидели меня, и схватка мгновенно прекратилась: они, опасаясь, свернулись в колючие, неприкасаемые клубочки. Я тихонько толкнул одного, затем другого. Комочки съёжились ещё сильнее, стали меньше. Я решил не мешать ежам, ушёл.

Когда через некоторое время вернулся, ни этой воинствующей парочки, ни того яблока уже там не было. «Кто же из них забрал яблоко? – раздумывал я. – Первый, более крупный? Или второй?» Так для меня и осталось загадкой, что владело животными. Жадность? Зависть? Или то и другое вместе?.. «Вот так часто бывает, к сожалению, и у людей, – грустно вздохнул я.

В ПАСХАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Другу Борису Беликову посвящается

Весенний апрельский день. Тёплый, безветренный. Будто сам Господь Иисус Христос послал с небес на землю такую благодать. Купола церкви купаются в первых ярких лучах солнца, отражая оцинкованной кровлей его отблеск. Сегодня Светлое Христово Воскресение! Идёт Пасхальное богослужение.

Перед воротами церкви хаотично припаркованы легковушки, подводы с привязанными к изгороди лошадьми. Люди идут и поодиночке, и парами, и небольшими группами. Встречаясь, низко кланяются друг другу, некоторые целуются троекратно, радостно восклицают: «Христос воскрес!» и слышат в ответ не менее радостное: «Воистину воскрес!».

В ворота церковной витиеватой изгороди вошли два старичка. Дед Николай и его двоюродный брат Алексей, моложе Николая на пять лет, приехавший в гости с женой. Дед Николай шёл медленно, опираясь левой рукой на палочку. Минув ворота, приостановились. Дед Николай повернулся лицом к храму, перекрестился.

– Пусть земля будет ему пухом. Царство Небесное! Теперь есть где народу помолиться.

– Николай, ты бы рассказал про этого глухонемого, – попросил Алексей.

Он небольшого роста, худощав, с впалыми щеками на морщинистом лице. Лишь голубые глаза придавали немного свежести. Хоть Алексей моложе Николая, но выглядит старше брата.

– Давай присядем вон на ту скамеечку у изгороди. Подождём, пока наши старушки из церкви выйдут, – предложил Николай.

Сели на недавно покрашенную скамейку. Николай поставил палочку возле большой ноги, жалуясь:

– Болит, стерва. Время берёт своё, брат.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул сочувственно Алексей. – Стареем. – Напомнил просьбу: – Так поведай о глухонемом.

Брат откашлялся и начал рассказывать.

– Значит, так было дело. Не было у этого человека ни имени, ни фамилии. Откуда появился, никто в селе не знает по эту пору. Так как человек был глухонемой, народ дал ему прозвище Купырь. Это глухонемой и значит. А началось всё с того, что однажды летним вечером убогой с детства Агафье Иевлевой было странное видение. Будто идёт по улице человек прямо к её калитке. И излучает он яркий свет. Агафья испугалась, окаменела. Ноги отнялись. Она смотрит на странного человека, хочет что-то сказать, а не может языком пошевелить. А он ей говорит:

– Не бойся. Или не признала? Я – Николай Угодник.

– О, Господи! Господи! – только и вымолвила Агафья.

– А он перекрестил её и говорит:

– Прими от меня благую весть. Господь услышал твои молитвы. Скоро явится к тебе святой паломник. Прими его – чудотворца земного. Ты на земле прожила в бедности и хвори, а в раю ты будешь жить в радости и вечно...

– Проговорил так тот человек и исчез, так же незаметно, как и появился, – рассказывал дальше Николай.

– А ты-то откуда это знаешь? – перебил брата Алексей.

– Сама рассказывала, царство небесное ей, – ответил Николай и повёл рассказ дальше: – И вот к самому Петрову дню с большой дороги пожаловал к нам в село человек. Высокого роста, крупного телосложения, с котомкой за плечами. И направился прямо к дому Агафьи. Был он седой, как мы, брат, с тобой сейчас. Брови и глаза чернее угля. Взгляд пронизывающий. Глянет на тебя, будто насквозь пронзает. Аж дрожь колючая по всему телу пробегает. И стал он жить у Агафьи. Но народ почему-то невзлюбил пришельца. Даже побаиваться его стал. Особенно взгляда. Посчитали того человека колдуном. Заинтересовался им участковый. Откуда, мол. А потом отступился: «Бог с ним. Пусть живёт».

Зимой Агафья занемогла. Глухонемой мечется по селу, выкает что-то, губами шевелит и на пальцах что-то показывает каждому встречному. На дом Агафьи показывает. Видимо, хочет сказать людям что-то, а никто не понимает его. «Наверно, с Агафьей что-то случилось», – предполагали люди, а идти к ней с глухонемым не решались.

А глухонемой продолжал настойчиво восклицать.

И решился один только кузнец Терентьич войти с Купырём в дом Агафьи. А у крыльца её сразу собрался любопытный народ. Ждёт, когда кузнец выйдет. И выйдет ли. Вышел. Снял шапку с головы. Не сходя с крыльца, сообщил грустно:

– Умерла она.

Толпа заволновалась, закричала.

– Купырь виноват! Пусть убирается прочь колдун!

– Успокойтесь, люди! – крикнул кузнец. – По-моему, он тут ни при чём. Она умерла сама. По старости. – И сошёл с крыльца...

Хоронили Агафью в ненастный день. Снег валил валом, беспрерывно. После похорон на поминки пошли не все. Боялись. И надеялись, что Купырь покинет дом покойной. Но проходили дни, недели, а он не уходил. Однако и на улице не показывался. Целый месяц...

– Забавная история, – произнёс Алексей, когда Николай сделал паузу. И спросил с интересом: – Что же, брат, потом было?

– А то. Всего одна история поменяла отношение к Купырю.

– Интересно, какая же, – загорелся любопытный брат.

– Сам суди, – ответил Николай и продолжил рассказывать.

– Хоронили Агафью зимой. А вот пришла и весна. Ранняя. Тёплая. Быстро подошла земля. Начались полевые работы. Тогда-то и случилась история эта. Терентьич в кузнице грел какую-то болванку. Тяжеловатую. Стал из горна вынимать. Не удержал её, горяченную, клещами, выронил. Упала она прямо на ногу кузнецу. А потом, от убоия или ещё от чего, – гангрена пошла. А врачи как у нас? Ампутировать! Терентьич духом пал. Как же без ноги жить в деревне? Не жизнь – труба!.. И как о беде кузнеца узнал Купырь, неизвестно. Появился он в доме кузнеца. Жена, Любовь Ивановна, как увидела Купыря, так оробела до смерти. А Купырь прошёлся по горнице взад-вперёд, остановился возле неё и стал пытаться жёстами, губами, гримасой что-то сказать ей. Она не могла понять. Лишь плечами передёргивает да руки разводит. А он-то её понял. А как объяснить? Тогда он разорвал штанину и ногу голую показывает. Догадалась жена...

– Гипнозом обладал Купырь!

– Чем?

– Гип-но-зом, – по слогам повторил.

– А тут Терентьич сам на костылях из другой комнаты выходит к ним. Сел на табуретку. Купырь, хоть сам глухой, но, оказывается, по губам мог прочитать, что ему говорят. И кузнец согласился на лечение. Купырь внимательно осмотрел больную ногу, что-то пожестикнул и вышел. Как только вышел и дверь за собой закрыл, робость жены кузнеца стала спадать. Поглядела на больную ногу мужа и заохала в слезах:

- Ох, запустишь ногу, как бы хуже не стало.
- Лучше сатане отдамся, чем ногу потерять, – решил Терентьич. – А медики, они что? Оттяпают её в момент, и будь здоров.
- Ой, боюсь, толк не выйдет, а только хуже будет.
- Если этот человек от Бога, то Господь не допустит беды.
- Рискуешь, отец!
- Молчи, баба! А как мне потом без ноги жить?!

Купырь явился на следующий день рано утром. Хозяйка уже бодрствовала. Он прошёл в горницу. Перекрестился на образа в красном углу. Любовь Ивановна позвала мужа. Он, как и вчера, сел на табуретку, поставил рядом костыли. Купырь опустил на колени перед иконами и стал молиться. Закончив, налил в тазик воды, поставил кипятить. В кипяток положил каких-то трав. Настой остудил до температуры, которую вытерпит рука. Поставил тазик с травами возле больного. Засучив штанину на больной ноге, снял с неё носок и опустил её в таз с приготовленным отваром. Нога была синяя и опухшая. Купырь стал поливать её отваром, гладить вверх-вниз, что-то шептать. При этом пронзал взглядом ногу насквозь, словно рентгеновскими лучами. Кузнец почувствовал лёгкое жжение в ушибленном месте, но после каждого прикосновения Купыря боль стала уменьшаться. Он взял принесённую с собой бутылочку с жидкостью, вязкой, как клей, и нестерпимо вонючей. Намазал ею ногу и стал втирать в неё...

Рассказ прервала подошедшая к братьям-старикам соседка.

- Христос воскрес! – произнесла она.
- Воистину воскрес! – ответили они вместе.
- А где же ваши половинки? – спросила соседка.
- Ещё в храме, – ответил дед Николай.
- Понятно, – сказала соседка и отошла.
- Что дальше с кузнецом? – заторопил заинтригованный брат.
- Не спеши, Лексей. Сейчас сварганю «козью ножку»...

Алексей терпеливо ждал. Закурив, брат Николай продолжил рассказ.

– Такое лечение длилось три утренних зари и три вечерних. И ожил человек! Опухоль начала спадать, боль проходить. А кузнец стал помаленьку и ушибленной ногой наступать.

- Вот мистика! – воскликнул Алексей.
- А? Чё говоришь? – не понял или не расслышал дед Николай.
- Ми-сти-ка, – повторил по слогам брат.
- Вот тебе, Лексей, и мистика, – серьёзно проронил Николай, хотя не знал значения этого слова. И заговорил дальше о чуде: – С той поры Купырь стал целителем от Бога. Потекли к нему потоки людей с разными своими болячками. А однажды осенью пошёл я на рыбалку и очутился на мосту. Смотрю – машина, шикарная такая, промчалась через мост и вдруг остановилась. Из неё вышли двое ребят. Молодые, упитанные, одеты прилично, не по-деревенски.

Поздоровались со мной культурно. Один из них спрашивает:

- Отец, это село Заревое?
- Оно самое, – ответил я.
- Глухонемой целитель тут живёт? – оживился другой.

– Есть такой. Лечит хорошо, – ответил я.

Он же просит:

– Папаша, не укажешь нам дорогу до него точно? Мы тебе заплатим хорошо, пообещал и деньги зелёные показывает

– За что заплатите? – спрашиваю его.

– За то, что дорогу к целителю покажешь, чтоб нам не путаться, не мотаться по селу попусту.

– Нет, – отказываюсь, – денег с вас не возьму, ребята.

– Да что ты, папаша? Пенсия твоя, небось, – кот наплакал. А это доллары американские. Наверное, в жизни такие не видел. Что-нибудь хорошее на них купишь себе. Бери, не стесняйся. – И сунул зелёные мне в карман.

Дед Николай сделал паузу. Поглядел на дверь церкви. Их жён ещё не видать. И он повёл рассказ дальше.

– Сел я к ним в машину. А там, оказывается, ещё один человек. Барышня молодая. Но мне не до неё. Дорогу указываю. С шиком подкатили к дому Купыря...

– И что дальше? Что за люди в машине? – всё торопил брат.

– Оказались, как ноне говорят, новыми русскими. А барышня та – жена одного из них. Забеременеть никак не могла много лет. Где только не лечилась бедолага. По каким только курортам и за границам не моталась – без толку. А Купырь вылечил! Будто чудо свершилось. Через год объявляются опять эти же люди у нас в селе. И уже не трое, а четверо. С новорожденным... Вот тебе, Лексей, и мистика. А Купыря энти самые новые русские завалили деньгами американскими. Да так, что он решил и начал на них церковь эту вот строить и тут же при ней жильё для батюшки. А как построил Купырь церковь, так сам отец Сергей приехал с семьёй и освятил храм. Но увы. Через год после этого умер Купырь. Народу понаехало хоронить – тьма!.. Добрый след на земле оставил после себя Купырь. Нашу церковь. Видно, сам Господь наградил его целительным даром. А скольких людей Купырь к жизни возвратил чуть ли не с того свету. Об этом одному только Богу известно.

– А вон и наши старушки идут! – пальцем показал дед Алексей.

Вместе с жёнами братьев шёл высокий мужчина, косая сажень в плечах, худощавый. Дед Николай восторженно воскликнул:

– О! С ними Терентьич! Лёгко на помине. Про него тут речь, а он навстречу!

– Христос воскрес! – поклонился кузнец старикам братьям.

– Воистину воскрес! – дружно ответили они.

– Что, уже отслужили старики пасхальную службу? – спросил у них Терентьич.

– Дык мы вперёд них ушли, – ответил дед Алексей.

– А дальше куда вы? Домой, что ли?

– Куда ж ещё нам? Самое время пасхой разговеться да куличами, – напомнил дед Николай.

– Тогда нам по пути. Подвезу вас. Забирайтесь в мою телегу. – Показал рукой: – Вон коняга моя рыжая стоит.

Старики потихоньку взобрались на телегу.

– Все сели? – спросил, оглянувшись, кузнец.

– Все, Терентьич, – хором ответили они.

– Но-о! Пошла, рыжая! – скомандовал хозяин, и телега тронулась с места,

ТИХО поскрипывая...